
Ирина Н. Антанасијевић
Универзитет у Београду
Филолошки факултет
Катедра за славистику
antiira@mail.ru

УДК 37.093.5:811.161.1(497.11)
https://doi.org/10.18485/sd_ruski75.2023.ch3

КАФЕДРА СЛАВИСТИКИ БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ

В данной работе, с должным уважением к исследованиям предшественников, дается новый анализ событий, связанных с историей создания кафедры славистики (в контексте политических событий на Балканах) и анализируются новые архивные документы.

Ключевые слова: Славянский семинар, русская эмиграция в Королевстве СХС/Югославии, институализация русского языка.

In this paper, with due respect for the studies of our predecessors, a new analysis of the events related to the history of the foundation of the Slavic Department (in the context of political events in the Balkans) is given and new archival documents are analyzed.

Keywords: Slavic seminar, Russian emigration in the Kingdom of SCS/Yugoslavia, institutionalization of the Russian language.

Вопрос о введении русского языка в систему высшего образования Сербии (институализация) и возникновении кафедры славистики Белградского университета в сербской и российской академической историографии рассматривался неоднократно. Тем не менее в этой истории существуют лакуны, связанные не только с недостатком архивных источников, но и со спецификой толкования и интерпретации уже известных фактов. В данной работе мы, опираясь на работы предшественников и отдавая им должное уважение, предлагаем новый анализ событий, связанных с историей возникновения кафедры, которые рассматриваем в контексте истории развития русско-сербских отношений.

Исследователь Дара Дамлянович, написавшая несколько значительных статей о начале преподавания русского языка в системе высшего образования Сербии, самой нижней хронологической

границей начала преподавания считает 1844 год. В Лицее (так называлось тогда учреждение, дававшее высшее образование в Сербии), на основании принятого в 1844 году «Закона об образовании», были включены в план обучения такие предметы, как «славянская филология и история словесности сербской, славянской и главных народов европейских» (словенска филологија, историја словесности српске, словенске и најглавнијих народа европских). Их преподавал сербский филолог Алекса Вукоманович (1826–1859), выпускник историко-филологического факультета Университета Св. Владимира в Киеве (Дамљановић 2017: 41), сын Петра Вукомановича, родного брата княгини Любицы (Обренович) и муж Мины Караджич, дочери Вука Караджича. Эти биографические данные нам кажутся важным уточнением, поскольку в дальнейшем выбор кадров, когда речь идет о преподавании русского языка, будет неслучайным и будет определять судьбу русского языка.

Начинать этой датой историю кафедры нам кажется совершенно верным и оправданным подходом, поскольку вопрос об институционализации начинается с момента формирования идеи включения русского языка в программу высшего образования, а начало показывает, что момент появления русского языка в программе высшего образования связан с тремя важными факторами: 1. язык изначально идет в тесной связке с литературой, 2. воспринимается как близкородственный и 3. входит в состав истории европейской филологии. Как близкородственный язык он довольно долго не выделяется в отдельный курс, поскольку не воспринимается как иностранный, с одной стороны, а с другой стороны – нет необходимости выделять его как другие иностранные языки – немецкий или французский, курсы которых изначально возникли не только в рамках академической необходимости, но и как политическая стратегия сближения с теми государствами, с которыми у Сербии в то время существовали активные дипломатические отношения и с которыми она связывала свое будущее.

Попытка выделить русский язык в отдельный курс делается лишь через двадцать лет (в 1863/64 учебном году), когда еще один бывший киевский студент (закончивший там Духовную семинарию и академию) Алимпий Васильевич (1831–1911) вводит в программу Великой школы (в которую к тому времени уже был преобразован Лицей) факультативный курс русского языка. Опять же очень важно

то, что сам Васильевич был родом из семьи князей времен Карагеоргия и зятем Йована Авакумовича, председателя правительства Сербии (подробную биографию Алимпия Васильевича см. Јовановић 1911: 602). До введения курса русского языка он успешно преподавал русский язык в Белградской духовной семинарии (предмет преподавался в рамках обязательной программы, и до Васильевича его вели русские преподаватели – В.Т. Вердиш и Д.А. Рудинский) (Кончаревић 2017: 13). Для нужд преподавания Васильевич написал учебник «Учитель русского языка» – первое изданное в Сербии пособие подобного рода (1862 г.).

Русский язык в Великой школе формируется именно как учебный курс, поскольку имеет фиксированные временные рамки и не меняет базовой программы славянской филологии, а существует как факультатив, ее дополняющий.

Факультативный курс русского языка просуществовал в рамках Великой школы всего лишь год (более подробно см: Дамљановић 2000: 43–44), но Алимпий Васильевич не оставил своей идеи включить русский язык в качестве отдельного предмета в программы Великой школы и, через десять лет, уже в качестве министра образования Сербии, сделал ряд административных шагов, дающих возможность внести русский язык в список обязательных предметов. Так, указом от 24 июля 1877 г. сербский парламент – Национальная (Народна) Скупщина принимает «Закон о введении русского языка» в качестве учебного предмета в некоторых учебных заведениях Сербии. По этому закону русский язык был включен в программу Учительской школы и Высшей женской школы сначала как факультативный курс, а затем как обязательный предмет (с 1880 года русский язык вводится в качестве обязательного предмета и в Военной академии). Решением от 15 октября 1877 года и Совет Великой школы также вводит русский язык в свою учебную программу, а 12 декабря 1877 года предоставляет кафедру Платону Андреевичу Кулаковскому (1848–1913). Рекомендации молодому ученому подписали И.С. Аксаков и В.И. Ламанский (Данченко 2013: 78)

Постараемся рассмотреть исторический фон этого указа (что часто упускается исследователями), поскольку он необходим для понимания процесса институционализации русского языка в сербской системе высшего образования.

Если внимательно изучить процесс введения предмета в рамки

учебной программы Великой школы, то легко можно увидеть истинные причины данного решения, которое несомненно связано как с личностью самого Алимпия Васильевича, чья любовь к русскому языку и России была несомненна, так и с теми политическими событиями, которые происходили в стране в то время.

Идея возникла весной 1876 года, когда Сербия вела сербско-турецкую войну (первую сербскую войну, где Сербия, завоевывая свою независимость, опирается уже не на стратегию борьбы повстанческих групп, а на создаваемую в то время на государственном уровне армию). Эту войну, хоть ее официально и не поддерживает русское правительство, активно освещает русская пресса того времени, формируя сочувственное отношение к балканским славянам и популяризируя создаваемое в то время добровольческое движение (что приводит к появлению добровольческой армии генерала М.Г. Черняева).

Алимпий Васильевич, который в то время находился в статусе представителя сербского правительства при Главном штабе Сербской армии (представник владе у Врховној команди), опираясь на благоприятную политическую атмосферу, связанную с прибытием в Сербию большого отряда русских добровольцев, выступает в Скупщине с инициативой введения предмета «Русский язык» в высшее образование Сербии (как ответный дружеский жест на помощь, оказываемую в войне, и как задел на будущее, которое требует активных дипломатических отношений с Россией).

Поражение, которое потерпела сербская армия к концу 1876 года и в котором некоторые политические силы обвиняли генерала М.Г. Черняева, пеня на его авантюризм и вменяя ему в вину прожектерство, которое стоило сербам победы, привело к тому, что предложение Алимпия Васильевича пришлось временно «положить под сукно». К нему вернулись только к лету 1877 года, когда победы русской армии на Балканах (русское правительство все же 12 (24) апреля 1877 года объявило войну Турции: после парада войск в Кишиневе на торжественном молебне епископ Кишиневский и Хотинский Павел (Лебедев) прочел «Манифест Александра II об объявлении войны Турции») помогли забыть горечь поражения 1876 года. Тогда же Васильевич, занимавший к тому времени пост министра образования и министра освобожденных территорий (министра за ослобођене крајеве) возвращается к своей идее и подписывает при поддержке

русского дипломатического представителя в Белграде Александра Ивановича Персиани (1842–1896) (Данченко 2013: 78) упомянутый Указ, приглашая на это место П.А. Кулаковского.

Несмотря на то, что назначение П.А. Кулаковского было утверждено на заседании Совета Великой школы в декабре 1877 года, бюрократическая процедура продлилась до марта 1878 года, когда это решение было подкреплено сначала указом министра народного просвещения Д.А. Толстого (от 21 марта 1878 года), а затем и указом сербского князя Милана Обреновича (от 1 июля 1878 года).

В Сербию П.А. Кулаковский прибыл только 8 октября 1878 года, а 28 октября приступил к своим обязанностям. Такой долгий и затяжной процесс связан со статусом Кулаковского, который, находясь при Великой школе, был по сути иностранным преподавателем. Условия, на которых он был принят, напоминали современный академический обмен: Кулаковский был назначен ординарным профессором с 1 июля 1878 года, получая при этом жалованье из двух источников – от сербских властей (650 талеров в год) и от российского Министерства иностранных дел (1500 рублей в год) (Данченко 2013: 79; Орлов 1969: 57). В данном случае мы можем говорить о формировании лектората русского языка (упоминаемое слово «кафедра» относится к принятому в то время выражению – предмет или – курс).

Предмет, который читал Кулаковский, назывался «Курс русской грамматики сравнительно со старославянской», и первая группа слушателей составляла 15 человек (Данченко 2013: 79). В 1879 году профессор собирает для слушателей курса и издает хрестоматию произведений русской классики «Руска читанка», а предмет «Русская литература» позже вводится им как факультативный предмет: в 1879/80 учебном году Кулаковский читает курс литературы XVIII века, а в 1880/81 учебном году – курс литературы первой половины XIX. Таким образом, и на этом этапе изучения русского языка соблюден принцип, который применялся еще в 1844 году: сравнительный подход и обязательное включение в изучение языка и корпуса русской литературы.

П.А. Кулаковский не ограничивался преподавательской деятельностью, но и активно занимался продвижением русского языка и культуры: он сделал попытку создания фонда русской книги в Белградской народной читальне, отбирал и посылал на обучение в Россию сербов, желающих получить образование, участвовал в

организации открытия памятника русским добровольцам на Руявице (1880) (Свечаност одкрића споменика на Рујевици код Алексинца 8 новембра 1880 г. изгинулим руским добровольцима у српско-турском рату 1876 год 1880), активно писал в сербские и русские газеты и журналы (список его публикаций периода пребывания в Белграде составляет 104 наименования: Данченко 2013: 82).

История назначения Кулаковского связана также и с проектом Первой сербской железной дороги. Для его осуществления Алимпий Васильевич в 1878 году предпринимает поездку в Санкт-Петербург с миссией привлечь помощь русского правительства под этот проект, а в начале 1879 года из России прибыло и несколько инженеров, составивших, кроме всего прочего, и план системы железнодорожного сообщения между Сербией и Россией.

Но 28 июня 1881 года князь Милан Обренович подписывает Тайную конвенцию (Тајна конвенција) – секретное соглашение сроком на десять лет, фактически поставившее Сербию под протекторат Австро-Венгрии (в российской историографии – Австро-сербская конвенция 1881 года). Данное изменение внешнеполитического курса приводит к отъезду Кулаковского из Сербии. Русский язык в этот период перестает быть отдельным курсом и включается, как и раньше, в число предметов кафедры славянской филологии.

Попытки вернуть курс языка делаются в 1883 году, когда 11 января на это место назначается И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845–1929), который, однако, предпочитает Белграду Императорский Дерптский/Юрьевский университет: «Јан Бодуен де Куртене није дошао у Србију, а многобројни каснији покушаји да се изабере компетентан наставник остали су безуспешни. Компликовану процедуру избора нису прошли Јеврем Илић, Иван Иванович Соколов, Милан С. Ђуричић, Александар Хитрово, Анатолиј Моренхолц, Милош С. Милојевић, о чему сведочи обимна архивска грађа Велике школе» (Дамљановић 2000: 100; Дамљановић 2017: 47).

В этом статусе русский язык остается до 1891 года, когда на место преподавателя выбирают тогда молодого доцента, позже известного филолога, политика, министра образования и председателя правительства Любомира Стояновича (1860–1930), изучавшего русский язык в Санкт-Петербурге. Он опять вводит в программу курс русского языка и ведет его вплоть до 1893 года. В этот же период, в рамках модификации структуры Великой школы, появляется идея

о формировании отдельных лекторатов русского, польского и чешского языков. Эта возможность появляется в 1895 году, поскольку с января 1895 года Австро-сербская конвенция утратила силу и сербская политика начинает формировать новые взаимоотношения как с Россией, так и со славянскими народами внутри Австро-Венгрии.

Тогда же, в январе 1895 года, «временным преподавателем (в ранге лектора) русского, чешского и польского языков и литературы» („привремени учитељ” (у рангу лектора) за руски, чешки и польски језик и књижевност) назначен Радован Кошутич (1866–1949), получивший образование в Вене на кафедре славянских языков (1890) и стажировавшийся в Праге, Кракове, Львове, Париже и Санкт-Петербурге.

Процесс формирования отдельных лекторатов иностранных языков был связан также с процессом реорганизации Великой школы, который начался в 1895 году и целью которого было стремление приблизить высшее образование Сербии к университетским стандартам Европы. Реорганизация, пройдя серию законодательных актов, закончилась в 1905 году созданием Университета в Белграде (предложение «Закона об университете» было вынесено на заседание Национальной Скупщины 28 декабря 1904 года, а утверждено на заседании Скупщины 5 марта 1905 года) (Ђорђевић 1962–1963: 17).

Правила (Уредба) нового Университета, принятые 1 октября 1905 года, стали базой для создания Правил факультетов. Философский факультет включил в свои Правила, одобренные 1 февраля 1906 года, 28 научных дисциплин и 8 лекторатов по иностранным языкам и литературам: французский, немецкий, английский, итальянский, румынский, венгерский, турецкий и албанский (арбанашки) (Ђорђевић 1962–1963: 20). Согласно этим Правилам русский язык не был включен для преподавания ни в качестве отдельной дисциплины, ни в качестве лектората. А лишь в специфичном качестве «факультативного (в ранге лектората)» предмета в рамках Семинара, где изучалась сравнительная филология славянских языков и литератур.

И только 7 июля 1924 года на заседании Ученого совета в протоколе под номером 1858 появляется информация, что в «в учебном 1923/24 году Совет факультета принял решение о формировании семинаров: Славянский семинар, Семинар албанской филологии, общий педагогический семинар» (Архив Сербии Г 200 1923-1932, ректорат).

Заведовать Славянским семинаром стал ординарный профессор Радован Кошутич (получил это звание на заседании Ученого совета университета 29 ноября 1921 года).

Рис. 1. Отчет 1924 года с указанием формирования семинаров

УНИВЕРСИТЕТ
КРАЈЉЕВИНЕ СРБИЈЕ, Београд и Словенија

ФИЛОСОФСКИ ФАКУЛТЕТ
Бр. 1858
Београд, 7 Јула 1924. год.

Господину Ректору Университета
Према члану 37. Опште Уредбе Университета, част ми је доставити
Господину Ректору годишњи извештај о раду у Факултету у овој школској
години

I.
У школској години 1923/24. одржано је 14 Факултетских седница
/ није одложена ни једна /

II.
1/. У зимском семестру било је: Редовних професора 28;
контрактних редовних 2; ванредних професора 6; доцента 5; лектора 4;
хонорарних професора 9; указаних асистената 16; наукааних асистената 25;
2/. У летњем семестру било је: Редовних професора 29; контра-
ктних редовних 2; ванредних професора 6; доцента 6; лектора 3;
хонорарних професора 8; указаних асистената 20; наукааних асистената 32.
3/. У току године изабрани су: Редовних професора 2; ванредних 1;
доцента 1. Пензионисани су: Редовних професора 1; ванредних 1.

III.
У школској 1923/24. години Факултетски Савет је решио да се
оснују ови семинари: Славјански Семинар, Семинар за Арбанашку Филологију и
Општи Педагошки Семинар.

IV.
У почетку зимског семестра школске 1923/24. године било је
редовних студената: Мушких 457.

Располагался Славян-ский семинар в арендуемом для этого Университетом здании на улице Короля Петра, 2, о чем свидетельствуют документы, сохранившиеся в Архиве Сербии. И первые двадцать лет своего существования Семинар провел именно здесь.

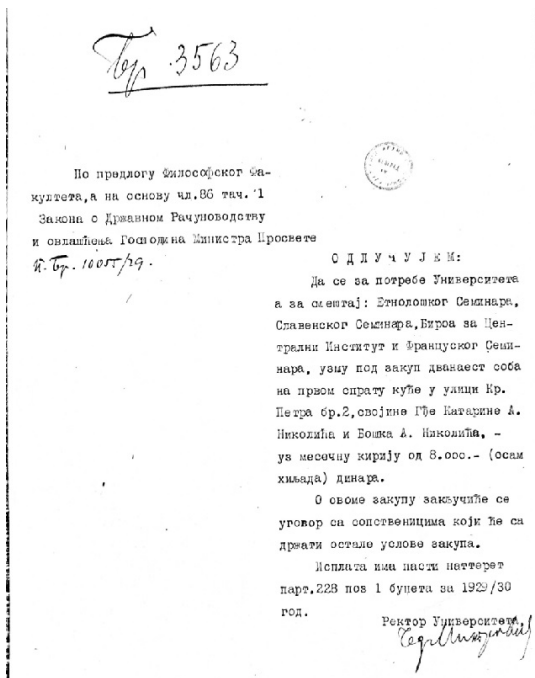
В документе, под которым стоит подпись тогдашнего ректора Университета в Белграде Чедомиля Митровича, указано, что вдова Катарина А. Николич, в качестве представителя ее пасынка Бошко А. Николича, сдает в аренду Университету

У школској 1923/24. години Факултетски Савет је решио да се
оснују ови семинари: Славјански Семинар, Семинар за Арбанашку Филологију и
Општи Педагошки Семинар.

12 комнат, находящихся по адресу ул. Короля Петра, 2. В данном помещении Университет разместил: Этнологический семинар, Французский и Славянский семинар, а также Бюро Центрального института (Биро за Централни Институт). Цена аренды составляла 8.000 динар в месяц (Архив Сербии Г 200 1923–1932 ректорат). Договор подтверждается и внутренним документом ректората под номером 3563 (Архив Сербии Г 200 1923-1932 ректорат).

В дальнейшем, к 1933 году, все Семинары, кроме Славянского семинара, перейдут в старое или новое здания Университета, а Славянский семинар останется в помещениях на улице Короля Петра до 1943 года.

Рис.2. Документ об аренде здания на улице Короля Петра, 2

По данным Отчета за 1923/24 год Славянский семинар подразумевал изучение:

а) русского языка и литературы

б) чешского (или польского языка) с литературой или старославянского языка (о преподавании польского языка на кафедре подробнее можно узнать из статьи П. Буняка (Буњак 2008), а о преподавании чешского языка из статьи Р. Лалича (Лалић 1963)

в) сербского и старославянского языка для группы «а»

г) сравнительной грамматики славянских языков и истории югославской литературы для группы «б» (Архив Сербии Г 200 1923-1932 ректорат)

И на этом этапе соблюден изначальный принцип изучения языка: совместно с изучением языка идет и изучение литературы, и включение в курс обязательного второго славянского языка и литературы. Кроме того, русский язык продолжает включаться как факультативный язык в тех группах, где изучается национальный язык (народни језик), как тогда именовался сербскохорватский язык, и где требовалось обязательное изучение одного славянского языка и одного иностранного.

Но почему Славянский семинар формируется только в 1924 году, ведь, казалось бы, с прибытием в Королевство СХС значительной группы русских профессоров-беженцев, в том числе филологов, намного раньше складываются все условия для формирования кафедры? К тому же, еще в самом начале 1920 года, стратегия привлечения русских ученых к академической работе в Королевстве СХС закладывается на государственном уровне и об этом свидетельствуют и документы из Архива Сербии (фонд Г 200- 1907–1922), в том числе два важных письма. Одно датировано 12/25 февраля 1920 года и подписано Евгением Васильевичем Спекторским (1875–1951), ректором Киевского университета св. Владимира и деканом его юридического факультета, а другое – 14/27 февраля и подписано деканом историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе Александром Павловичем Доброклонским (1856–1937). Оба письма отправлены в Белград из гостиницы «Европа» в городе Вранье на юге Сербии, где находился пункт приема беженцев одесской эвакуации.

Оба профессора в ответ на запрос ректора Белградского университета Слободана Йовановича составляют списки прибывших с ними коллег, которые могли бы продолжать академическую деятельность в Королевстве СХС. Е.В. Спекторский называет имена П.В. Воронца – ординарного профессора Киевского и Таврического (Крымского) университетов (что ошибочно, поскольку П.В. Воронеж не покидал России, в Королевство прибыл его сын – К.П. Воронеж, позже профессор кафедры механики Белградского университета), Г.В. Демченко – профессора кафедры уголовного права Киевского университета, позже первого декана, профессора юридического факультета филиала Белградского университета в Суботице, М.Э. Поснова – профессора Киевской Духовной академии, позже профессора церковной истории Софийского университета, а профессор Доброклонский добавляет имя П.М. Бицилли – профессора Новороссийского университета, затем профессора философского факультета Белградского университета в филиале в Скопье и профессора Софийского университета.

Рис. 3–4. Письма Е. Спекторского и А. Доброклонского на имя ректора Белградского университета

1

Универзитет у Београду

Бесе имам сообщити, што $\frac{12}{25}$ фебруара во Врању
 прибави ситуација професора Кіевског универзитета
 св. Владимира:

Петра Васильевича Вороного, доктора механики,
 ординарний професор по кафедре механики.
 Григорія Васильевича Златанко, магистра уголовного
 права, экстраординарний професор по кафедре уголов-
 ного права и процесса.
 Евгенія Васильевича Спекторскія, доктора государ-
 ственнаго права, ординарний професор по кафе-
 дре эмпирической права и истории философии пра-
 ва
 Михаила Ивановича Писнов, доктора церков-
 ной истории, ординарний професор Кіевског духовнаго
 академія по кафедре истории древней церкви, при-
 ватнодоцент университета при кафедре истории церкви.

Ректору универзитета св. Владимира
 Е. Спекторскія

Врања
 $\frac{13}{26}$ II 1920 г.

1

Универзитет у Београду

Г. ректору Белградског универзитета.

Среди русских белских, поселившихся во
 Врању, находилось 2 профессора Новоросійскаго
 (к Одессе) университета: законченный юридиче-
 ский профессор, доктор историко-юридических
 наук доктор церковной истории Александр
 Павлович Доброклонский и истор. добротинский
 историко-правовой профессор магистр святой
 истории Пётр Михайлович Бицилли. Первый
 учитель в университете в г. Врању Николай
 Карлович доктор по истории христианской (общей)
 церкви и истории русской церкви, магистр философии
 и по истории философии, доктор историч. наук
 по святой истории. Обращаясь к Вам с
 некоторыми просьбами о предоставлении каких
 бы то ни было вакансий или мест, являю-
 щейся вакансиями ввиду, как бы того
 не было составлено соответствующим образом
 обследовать какие существуют.

Спешно просим

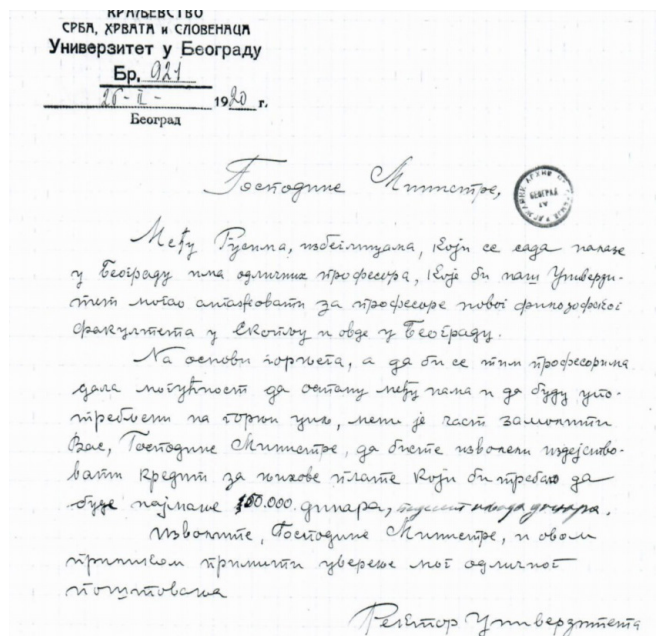
Отказ повторенный раз для Новоросійскаго
 университета проф. А. Р. Доброклонский.

Врања, 26 февраля. Коллежия русских белских. Доброклонский

$\frac{14}{17}$ No. 270

Судя по запросу ректора Белградского университета, о чем свидетельствует акт под номером 921 от 25 февраля того года за подписью ректора Университета в Белграде на имя министра образования (Архив Сербии фонд Г 200- 1907–1922 ректорат), существовала государственная программа распределения академических кадров, прибывших в Королевство СХС, в соответствии с которой предполагалось трудоустроить русских профессоров прежде всего на новообразованный Философский факультет в Скопье, тогда филиал Белградского университета (более подробно о становлении Университета в Скопье см. Пуятин 2019: 311-333)

Рис.5. Запрос ректора Белградского университета на имя министра образования

В то же время на философском факультете Белградского университета, ввиду отсутствия кафедры, возможности приема новых кадров были ограничены даже в тех случаях, когда рекомендацию давал Александр Белич. Например, ему не удалось принять на работу сразу двух профессоров кафедры славянской филологии Харьковско-

го университета, с которыми он был знаком лично и очень их уважал, – Степана Михайловича Кульбакина (1873–1941) и Александра Львовича Погодина (1872–1947), и приходилось делать выбор между ними.

Так, 6 апреля 1920 года по реферату, подписанному 2 марта 1920 года А. Беличем, в состав Философского факультета входит Степан Кульбакин, но с оговоркой, что он будет преподавать в филиале в Скопье (Архив Сербии Г 200 1923–1932 ректорат). И хотя Белич делает попытку оставить Кульбакина в Белграде и отправляет 11 мая 1920 года запрос на имя министра образования, в котором просит «оставить Степана Кульбакина в Белграде, где бы он мог заниматься своей работой, без необходимости появляться в Скопье» (Архив Сербии Г 200 1923–1932 ректорат), этот маневр не удался (Кульбакин оставался в Скопье вплоть до 2 июня 1923 года, когда вошел в штат Философского факультета Белградского университета).

А в штат Философского факультета в Белграде в мае 1920 года входит Александр Погодин. Причем, как видно из рапорта Совету

факултета от 1 мая 1920 года, А. Белич предложил его лишь на место лектора русского языка и литературы, указывая при этом, что уровень знаний русского профессора намного выше этой позиции. Но «поскольку кафедры у нас нет, – писал Белич, то он готов работать и на должности лектора русского языка и русской литературы, а также бы мог по необходимости преподавать польский язык и литературу» (Архив Сербии, Г 208- 1907–1922). Всего через десять дней после рапорта, 10 мая 1920 года А.Л. Погодина был зачислен в штат Философского факультета (Архив Сербии, Г 208- 1907–1922).

Рис.6. Рапорт А. Белича

Совету философского факультета,

Посоветуйте ли мне за лектора русского языка и литературы Александра Вдовата Митровича.

Погодина се родом 1872 год, и отиша је специјално славистичке студије у Петрограду, био је наставник различитих виших школа у Петрограду и Варшави, док није 1910 год. постао ординарни професор славистике у Харкивској Универзитету.

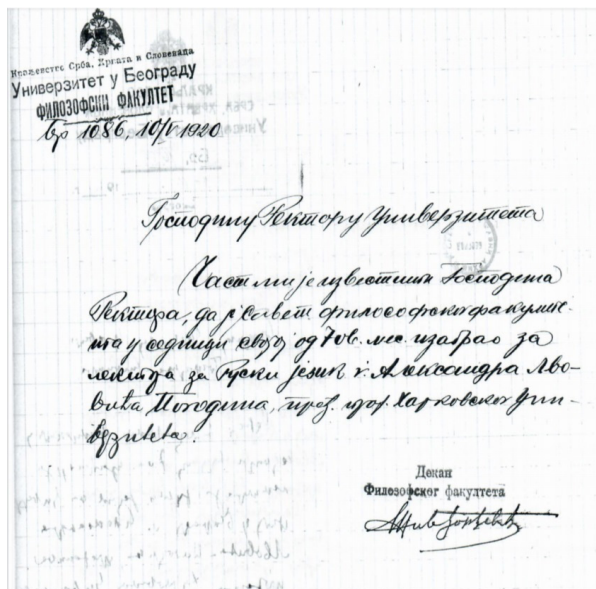
Како сам ја велики број расправа, књига и систематских прегледа из ове области, из историје словенског народа и из историје словенско-католичких цркви. Чини ми се да овај човек далеко прелазити ову границу од лектора. Али како ми некако других кандидата које би отиша и пренапољу студија и дојаловити радњу могао извршити, он је спреман да држи и лектуру руског језика и руске књижевности. Он би могао такође предводити катедру и из руског језика и катедру књижевности.

Ја сам уверен да ће и Погодина одлично извршити посао који му се буде поверио.

Београд, 1. маја
1920 год.

Александар Белич

Рис. 7 Решение о выборе в звание А. Погодина

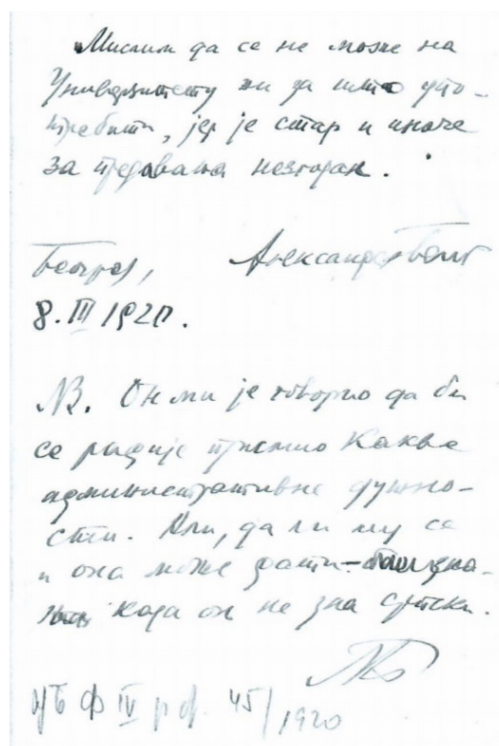
Не смог сразу оказаться в штате Философского факультета и Е.В. Аничков (1866–1937) – известный фольклорист и историк литературы, близкий знакомый А. Белича, который в это время преподавал английский язык в 1-ой русско-сербской гимназии.

Позже, в 1923 году, Аничков будет зачислен на должность внештатного профессора Философского факультета и начнет преподавать

старофранцузский язык на отделении романских языков (много позже, 3 мая 1934 на кафедре романских языков в качестве преподавателя будет принят Илья Николаевич Голенищев-Кутузов. Вопрос его выбора и дальнейшей карьеры на факультете представляет отдельный интерес, поскольку связан с серией различных выборных манипуляций, закончившейся отклонением запроса подтвердить получение звания доцента 2 июля 1941 года). В 1926 году Аничкова перевели в филиал в Скопье, где пробыл десять лет, вернувшись в Белград уже после отставки в 1936 году.

Тогда же, в 1920 году, Александр Белич был вынужден отклонить и кандидатуру Ивана Петровича Созоновича (1855–1923), профессора по кафедре истории западно-европейской литературы императорского Варшавского университета. Произошло это не столько по причине того, что Созонович «стар и неудобен в качестве преподавателя», как отмечено в записке Белича (Архив Сербии, Г 208- 1907–1922), сколько ввиду объективной невозможности включить в состав Философского факультета новых профессоров (более широкие возможности были на философском факультете для русских профессоров естественного направления).

Рис. 8 Записка Белича по поводу кандидатуры И. Созоновича

Отклоняет Белич и кан-
дидатуру историка Георгия
Емельяновича Афанасьева
(1848–1925), министра ино-
странных дел Украины в 1918
году, хотя его просьбу ректор-
ат университета получил
еще в 24 апреля 1920 года
из Константинополя (Архив
Сербии Г 200 1923–1932
ректорат). В состав философ-
ского факультета Афанасьев
войдет только в 1923 году.

Как видим, кадры были,
как и желание воспользоваться
ими, поднимая уровень выс-
шего образования Королев-
ства, но решение об открытии
кафедры, которая бы зани-
малась русской филологией,

последовало лишь в 1923 году. И вновь толчком послужили события политической природы. О них пишет в своей статье М.Ю. Сорокина: «...уже весной 1922 г. в кулуарах Генуэзской конференции на встрече советского наркома по иностранным делам Георгия Чичерина и министра иностранных дел КСХС Момчило Нинчича обсуждалась перспектива минимизации деятельности «белых» российских эмигрантов на территории Королевства» и установления дипломатических отношений между СССР и КСХС (Сорокина 2020: 26).

Интенсивные неофициальные переговоры об этом велись весь 1923 год, о чем свидетельствуют дневники советского представителя в Праге К.К. Юренева (1888–1938), хранящиеся в Архиве внешней политики РФ и которые цитирует М.Ю. Сорокина: «Непосредственным каналом трансляции и передачи сигналов от своих патронов о желательности переговоров по установлению дипломатических отношений стали заведующие отделами печати миссий в Праге – Роман

Якобсон и Стеван Ключич (Клуич)» (Сорокина 2020: 27). Цели своей переговоров, впрочем, не достигнут, хотя «6 марта 1924 г., вслед за признанием СССР правительствами Великобритании, Италии и Франции, МИД КСХС объявило, что политическая миссия старого российского посольства в Белграде завершена и его глава В.Н. Штрандтман в будущем будет лишь «делегатом, ведающим интересами русской эмиграции» (Сорокина 2020: 27), но «.. это оказалось, пожалуй, единственным реальным следствием осенне-зимних 1923/24 г. разговоров в Праге» (Сорокина 2020: 30)

В начале 1923 года, когда предполагалось, что признание СССР может состояться, в Белграде задумывались об открытии кафедры – и как жеста доброй воли, и как места для подготовки дипломатических кадров. Одновременно формируется и Албанский семинар (Албания к тому времени уже признала СССР).

И хотя события конца 1923 и начала 1924 года – отъезд советского полпреда А.А.Краковецкого из Албании и свержение правительства Фан Ноли отрядом русских эмигрантов под предводительством полковника А.М. Миклашевского – похоронили возможности установления дипломатических отношений, процесс создания новых Семинаров был запущен и они начали работать в 1923/24 учебном году.

Тогда же А.Л. Погодин покидает место лектора (на его место приходит Владимир Алексеевич Розов (1876–1940)). А после ухода Радована Кошутича на пенсию в 1936 году становится заведующим Славянским семинаром.

К началу 1941 года Славянский семинар находился в незавидном положении, о чем свидетельствует письмо профессора А.Л. Погодина от 31 января 1941 года на имя декана Философского факультета. Славянские языки и литературы, констатировал профессор, преподает всего два преподавателя – он, А.Л. Погодин, и находящийся на пенсии, но продолжающий свою работу Радован Кошутич. Ссылаясь на интерес к славянским языкам и на рост иностранных студентов, приезжающих в Белград для изучения славянских языков из Германии, Чехословакии, Болгарии, Погодин предлагал открыть/возобновить работу лекторатов и ввести один из славянских языков на кафедрах, где изучается сербскохорватский язык и литература Югославии, из чего можно сделать вывод, что первоначальный план предметов, заявленный в 1923 году, со временем был свернут (Архив Сербии, Г 208- 1941).

Рис. 9. Запрос А.Л. Погодина декану Философског факултета

Господину Декану Филозофског факултета
у Београду

У току последњих година, у вези са догађајима у свету, Београд постаје све више центар славистике у Европи. На Београдском универзитету поред наших студената студирају славистику и студенти из иностранства, првенствено из Бугарске, Чешке и Немачке; број страних студената стално расте из године у годину, што несумњиво сведочи о гласу који наш факултет ужива у иностранству. Најзад ове године порасло је интересовање за славистику и код наших студената; број слушалаца у Словенском семинару ове године је три пута већи него што је био прошле године.

Словенске језике и словенске књижевности код нас предају само два наставника: др Александар Погодин, редовни професор и др Радован Кошуткић, хонорарни професор, ред. проф. унив. у пензији. Осве је разумљиво да два наставника не могу предавати све предмете које обухвата катедра "за језике и књижевност источних и западних Словена". Зато је прека потреба да се при тој катедри оснују лекторати за руски, полски и чешки језик. Мора се имати у виду још и то, да се код нас у гимназијама словенски језици уопште не предају; међутим по један словенски језик улази као споредни предмет у све групе које имају као главне предмете српскохрватски језик и југословенску књижевност. Зато се новим студентима, одмах у почетку њихових студија, морају дати солидне основе из тих језика, при чему се мора почети буквално од азбуке. А то би био баш задатак лектора. Онда би и професори, уместо да воде вежбања са почетницима, могли држати већи број специјалних курсева и рад у семинарима подићи на виши ниво.

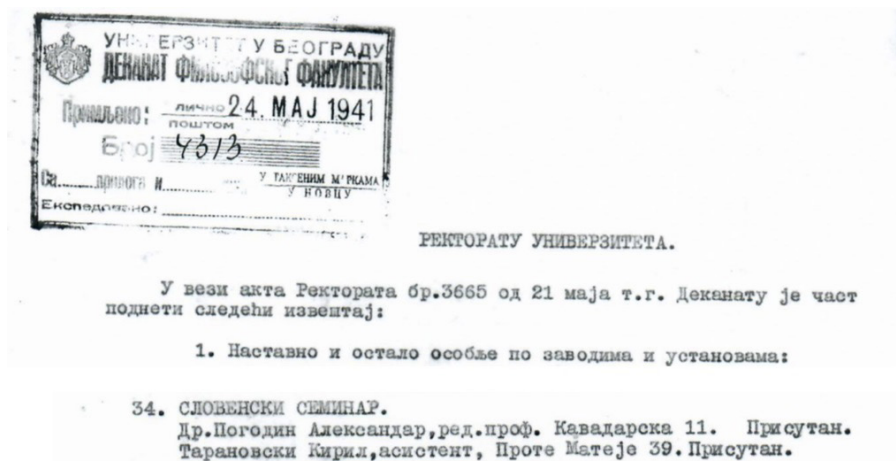
Част ми је замолити Вас, Господине декане, да се свесрдно заузмете за овај предлог и да порадите да се он заиста оствари.

31 јануара 1941
Београд

Др Александар Погодин

Судя по отчету под номером 3665 Ректорату Универзитета от 24 мая 1941 года Славянский семинар в то время был представлен лишь двумя сотрудниками – А.Л. Погодиным и К.Ф. Тарановским (начавшим работать на кафедре в качестве ассистента в 1937 году). Через полгода, 22 ноября 1941, Погодин, совместно с А. Беличем, был отправлен на пенсию, а Кирилл Тарановский (1911–1993), защитивший в июле 1941 года докторскую диссертацию «Русские двусложные размеры», ставшую одной из самых известных работ по поэтике в XX в., уволен в начале 1942 года (Архив Сербии, Г 208-1941–1942)

Рис.10. Отчет ректору Университета П.Мицичу

В 1942 году временно исполняющим обязанности заведующего кафедры становится профессор старославянского языка Радосав Бошковић (1907–1983), о чем свидетельствует документ номер 17 от 17 июня 1942 года (Архив Сербии, Г 208- 1907–1922), а в период оккупации Белграда на место лектора принят Петр Митропан (1891–1988), переведенный из Скопья 12 мая 1943 года (акт под номером 2636) (Архив Сербии, Г 208- 1907–1922).

В последнем сохранившемся военном документе за август 1943 года состояние на Славянском семинаре описывается его заведующим как плачевное. Считаю нужным привести его целиком:

«Господину декану Филозофског факултета.
 Белград

Имею честь поднести Вам отчет о научной работе Славянского семинара за месяц август 1943 года. На рабочем месте присутствовали д-р Радосав Бошковић, доцент университета, Петр Митропан, лектор, и Воин Ракин, ассистент. Радосав Бошковић занимался и занимается исследованиями из области праславянского языка, сербской диалектологии и сербского литературного языка. Петр Митропан изучал

русско-сербские литературные отношения. Воин Ракич¹ изучал «Мертвые души» Гоголя. Детально анализировал художественные элементы этого произведения по пунктам (выбор и место слов с позиции художественного стиля, общая композиция и структура произведения, ценность отдельных описаний и их художественная оправданность с учетом их места в тексте, портреты (литературное и историческое значение), виды юмора у Гоголя, эффект и моральное значение).

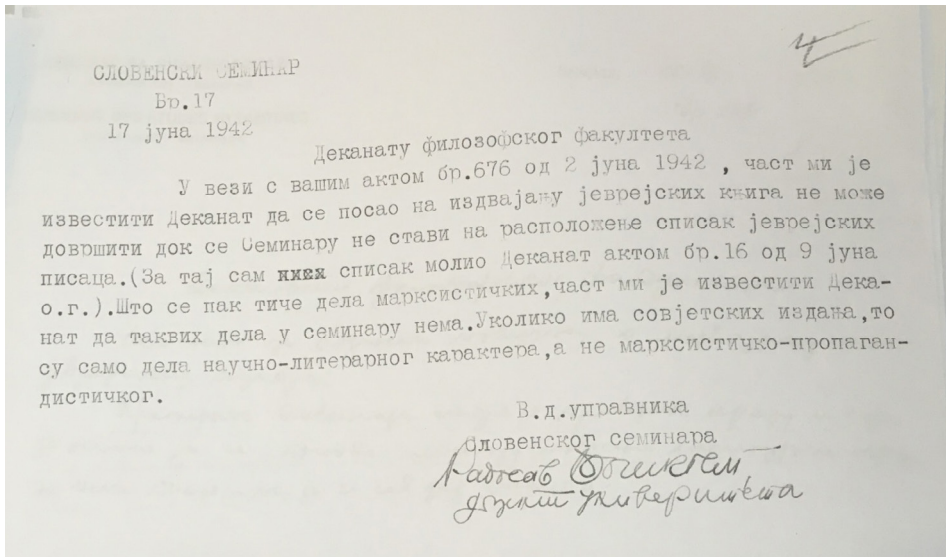
Научная работа идет весьма медленно, можно сказать, что туго. Причина этого в сложностях, причем основными являются три фактора.

Первый: с начала войны Славянский семинар не имел возможности приобретения ни одной новой научной публикации, книги или журнала из области славистики. Второй: семинар не имел средств даже на основные требования – на бумагу и чернила. Третий: 27 августа Семинар вынужден был выехать из своего помещения на улице Короля Петра, 2. Сейчас он находится в Новом здании университета² на полу: книги сложены, мебель также, но работа Семинара невозможна и для нас самым главным требованием является получение помещения, где можно будет работать».

¹ В оригинале встречается как Ракин, так и Ракич. Иначе, скорее речь идет о Воине Ракиче, профессоре университета, который позже преподавал русский язык на Строительном факультете Белградского университета (он также автор учебников: «Збирка руских текстова: са речником: за студенте Грађевинског факултета, 1955» и «Введение в русскую терминологию строительной техники: выбранные тексты со специальным словарем: для студентов строительных факультетов», Белград, 1981.

² Нынешнее здание Филологического факультета Белградского университета (построено в 1920 году, пострадало в 1944 году и обновлено в 1945).

Рис.12. Рапорт Р. Бошковица

Таким образом, как мы видим, формирование Славянского семинара лишь один из этапов институализации русского языка и литературы в Белградском университете, но этап яркий и интересный. А сама история институализации непосредственно связана с историей Сербии и развивалась вместе с ней, поэтому и должна быть исследована в тесной связи с историей русско-сербских отношений.

Цитируемая литература

- Буняк, Петар. «Эпизод из истории белградской полонистики». [В:] Б. Станкович (ред.) Изучавање словенских језика, књижевности и култура као инословенских и страних. Зборник реферата: међународни симпозијум. Београд: Славистичко друштво Србије, 2008, 72–77.
- Дамљановић, Дара. „Оснивање и развој универзитетске славистике у Србији”. [У:] К. Кончаревић (ур.) Универзитетска славистика: традиције, савремено стање, перспективе. Београд: Филолошки факултет, 2017, 41–57.
- Дамљановић, Дара. Руски језик у Србији. Уџбеници до 1941. године. Београд: Филозофски факултет, 2000.
- Ђорђевић, Божидар. „Универзитет у Београду 1863–1963”. Годишњак града

- Београда, 1962–1963: 5–79.
- Данченко, Светлана И. «Деятельность П.А. Кулаковского в белградской Великой школе в 1878–1882 гг. (К 100-летию со дня кончины русского ученого).» [В:] Е.С. Узенёва (ред.) Славянский мир в третьем тысячелетии. Москва: Институт Славяноведения РАН, 2013, 77–91.
- Јовановић, Владимир, Српски књижевни гласник 26, 1911: 596–608; 705–711.
- Орлов, Георгиј. „Платон Кулаковски и почеци наставе руског језика на Великој школи (Историјски осврт)”. Живи језици: часопис за стране језике и књижевности 11/1–4, 1969: 57
- Кончаревић, Ксенија. „Јубилеј наше прве катедре за проучавање стране филологије: сто четрдесет година београдске славистике.” [У:] К. Кончревић (ур.) Универзитетска славистика: традиције, савремено стање, перспективе. Београд: Филолошки факултет, 2017, 11–23.
- Лалић, Радован. „Катедра за источне и западне словенске језике и књижевности.” Сто година Филозофског факултета. Зборник радова. Београд: Народна књига, 1963, 375–400.
- Свечаност открића споменика на Рујевици код Алексинца 8. новембра 1880 г. изгинулим руским добровољцима у српско-турском рату 1876 год. Београд, 1881, XXVI–XXVIII
- Сорокина, Марина. «Большая славистика и большая политика: Роман Якобсон (1896–1982) и Королевство сербов, хорватов и словенцев». Славистика XXIV/1, 2020: 19–35.
- Путятин, Владимир С. «Филолог-славист С.М. Кульбакин и другие российские профессора Философского факультета в Скопье в 20–30-е годы XX в.». [В:] С. В. Путятин (ред.) Столетие двух эмиграций: 1919–2019: сборник статей. Москва: Институт славяноведения РАН; Белград: Информатика, 2019, 311–332.

Источники

- Архив Србији фонд Г 200, ректорат
Архив Србији Г 208, филозофски факултет

Ирина Н. Антанасијевић

КАТЕДРА ЗА СЛАВИСТИКУ УНИВЕРЗИТЕТА У БЕОГРАДУ:
О ПИТАЊУ НАСТАНКА

Резиме

Питање институционализације руског језика на Универзитету у Београду и стварања Катедре за славистику више пута је разматрано и истраживано. У овом раду, уз дужно поштовање према истраживањима наших претходника, приказани су и интерпретирани нови подаци везани за историју настанка Катедре за славистику.

Кључне речи: Словенски семинар, руска емиграција у Краљевини СХС/Југославија, институционализација руског језика.